

ОБЫДЕННОЕ ПОЗНАНИЕ: СТРУКТУРА И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Р. Н. ДОЖДИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский национальный технический университет,
пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Республика Беларусь

Предпринята попытка применить схему познавательного процесса, разработанную академиком В. С. Стёпиным, для анализа структуры обыденного познания. Исследуется механизм формирования обыденного познания и социализации. Рассматриваются пути формирования обыденного познания, позволяющие эксплицировать алгоритмы социализации и воспроизводства общественной жизни.

Ключевые слова: обыденное познание; структура; субъект; объект; средства познания; социализация; культура; надбиологические программы деятельности, поведения и общения.

EVERYDAY COGNITION: ITS STRUCTURE AND WAYS OF FORMATION

R. N. DOZHDIKOVA^a

^aBelarusian National Technical University,
Nezavisimosti avenue, 65, 220013, Minsk, Republic of Belarus

An attempt to apply the cognition process scheme developed by the academician V. S. Stepin is made to analyze the structure of everyday cognition. The mechanism of forming everyday cognition and socializing its subject is studied. The ways of forming everyday cognition which allow explicating the algorithms of socialization and reproduction of social life are considered.

Key words: everyday cognition; structure; subject; object; means of cognition; socialization; culture; over-biological programs of action, behavior and communication.

Очевидная актуальность проблемы обыденного познания, его структуры и путей формирования обусловлена органической связью этого феномена с выявлением способов воспроизводства регуляторов общественной жизни [1, с. 34], а также с установлением механизма возникновения ценностных ориентаций. Исследование данной проблемы позволяет эксплицировать каналы, посредством которых потребности человека, его деятельности, установки, а также ценности культуры влияют на науку, выбор ее приемов и методов [2, с. 4]. До сих пор этот вопрос должным образом не был изучен, хотя и проводились серьезные исследования в данной области. Прежде всего в этом ряду следует назвать работы Б. Я. Пукшанского, Е. И. Кукушкиной, Н. Н. Козловой, И. Т. Касавина, С. П. Щавелёва. Согласно И. Т. Касавину, «повседневность, как познание, выражается в процессе когнитивной социализации, адаптации к условиям и вживании в архетипы» [3, с. 414]. Необходимо выяснить, каким образом, посредством каких механизмов универсалии культуры становятся достоянием общества.

Образец цитирования:

Дождикова Р. Н. Обыденное познание: структура и пути формирования // Социология. 2016. № 2. С. 34–44.

For citation:

Dozhdikova R. N. Everyday cognition: its structure and ways of formation. *Sotsiologiya*. 2016. No. 2. P. 34–44 (in Russ.).

Автор:

Раиса Нуриевна Дождикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философских учений факультета технологий управления и гуманитаризации.

Author:

Raisa Dozhdikova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophical studies, faculty of management technologies and humanitarization.
dozhdikova@inbox.ru

На наш взгляд, наиболее эффективным подходом к решению данной задачи может служить использование схемы исследования структуры научного познания, разработанной В. С. Стёпиным [4; 5], в частности ее экстраполяция на познавательное поле повседневности (так, согласно К. Марксу, ключ к анатомии обезьяны лежит в анатомии человека). Кроме того, схема метода В. С. Стёпина позволяет раскрывать не только механизм эволюции идеалов и норм обыденного познания [1, с. 34], но и воздействие форм общественного сознания на их формирование. Концепция культуры В. С. Стёпина [6; 7], его учение о мировоззренческих универсалиях дает возможность понять механизм формирования обыденного познания (социализации), т. е. способов усвоения культурных надбиологических программ деятельности, поведения и общения.

Структура обыденного познания

Стёпинская схема познавательного процесса включает в себя три основных элемента: 1) субъект познания; 2) средства познания; 3) объект (результат) познания. Подобный принцип членения может быть эффективно применен и к анализу структуры обыденного познания, в которой также можно выделить три ключевых звена: 1) субъект; 2) психосоматические и социотехнические средства; 3) объект (результат) познания. В качестве субъекта может выступать индивид, социальная группа или общество в целом (единичное, особенное и всеобщее), т. е. индивидуальный и коллективный субъекты обыденного познания. Помимо природы и общества объектом познания может выступать и сам человек. Специфика познания человека предполагает в качестве необходимого условия «неразрушающий контроль», т. е. в данном процессе должен быть соблюден принцип целостности объекта с учетом его двойственной природы.

В. С. Стёпин отмечал: «Объекты, на которые направлено обыденное познание, формируются в повседневной практике. Приемы, посредством которых каждый такой объект выделяется и фиксируется в качестве предмета познания, вплетены в обыденный опыт. Совокупность таких приемов, как правило, не осознается субъектом в качестве метода познания» [8, с. 10]. Говоря о неосознанности приемов (способов) обыденного познания, В. С. Стёпин не только сформулировал проблему, но и обозначил возможные перспективы ее исследования, указал на необходимость выявления данных способов познания, структуры обыденного познания в целом. В основу нашего исследования положена именно эта методологическая установка.

В структуре обыденного познания можно выделить типы, формы, уровни и способы [9, с. 64]. Историческими типами обыденного познания являются:

1) архаическое познание, отраженное в мифах, легендах, народных сказках, былинах;

2) хроникально-житийное познание, зафиксированное в документах эпохи, например в летописях («Повесть временных лет» и др.), словах («Слово о полку Игореве» и др.), житийной литературе («Житие Ефросиньи Полоцкой» и др.), сводах житейских правил и наставлений («Домострой»), избранных жизнеописаниях и мемуарах;

3) вековой опыт и житейская мудрость, содержащиеся в пословицах, поговорках, притчах, отражающих коды национального менталитета, архетипы национального характера [1, с. 36].

Данные типы обыденного познания вскрывают механизм социальной наследственности познавательной деятельности. Народная мудрость – это своего рода банк идей, рецептов, «надбиологических программ» жизнедеятельности, выступающих «в функции хранителя, транслятора и генератора социально-исторического опыта» [10, с. 6]. Житейская мудрость в форме поговорок, пословиц, народных примет содержит в себе многократно проверенные выводы, советы, предупреждения, предположения, прогнозы, шаблоны поведения и стереотипы мышления применительно к конкретной ситуации. Пословицы, поговорки, сказки, былины поучают незаметно. Но в этой незаметности и простоте обыденного познания – ключ к пониманию социокультурного программирования, доходчивости обыденного знания.

Горизонтальный срез структуры обыденного познания представлен неспециализированными формами морального (нормативного), религиозного (откровения), эстетического (художественно-образного), житейско-философского познания, а также начальным политическим и правовым познанием, отражающим уровень социализации, воспитания, образования и самообразования познающего субъекта. Указанные формы обыденного познания являются, по сути, формами социального познания. Типы и формы обыденного познания взаимодействуют, порождая «обобщенную картину человеческого мира», которую В. С. Стёпин назвал «мировоззрением эпохи». Она через свою систему ценностных установок, которые можно назвать идеалами и нормами обыденного познания, влияет на уровни и способы последнего.

Вертикальный срез структуры обыденного познания представляют уровни. Среди них можно выделить следующие:

1) психосоматическое познание, связанное с деятельностью тела, его органов чувств и психики (психосоматический опыт);

2) рутинное познание стереотипов деятельности и мышления, закрепленных в обычаях, традициях и порождаемых средствами массовой информации (социокультурный опыт);

3) преднаучное и околonaучное познание: здравый смысл, сапиентальное чувство (Р. А. Варгезе), интуиция – «естественный свет разума» (Р. Декарт), догадки, пророчества, прозрения и озарения (преднаучный опыт);

4) самопознание (познание индивидуального Я), т. е. рефлексивный опыт.

Данные уровни отражают динамику взаимодействия психосоматического, социокультурного, преднаучного и рефлексивного познания в повседневной жизни. Самопознание – это синтез самонаблюдения и самоанализа, на основе которого строится самосознание. Сознание сознания (самосознание) – способ субъектного конструирования, позволяющий осмыслить свою самость, неповторимость, ответственность и жизненную позицию. Одновременно самопознание позволяет раскрыть возможности самореализации. Автобиография, исповедь, интервью, письма и дневники есть способы самоописания и самопознания человека, мастерская его творчества.

Субъект обыденного познания

Исследование социокультурных оснований знания и познания требует анализа понятия «субъект обыденного познания». Этимологически понятие субъект – это то, что лежит в основе любого вида деятельности. Обыденное познание исторически предшествует научному подходу к явлениям действительности и во многом программирует его. «Обыденное познание <...> дает знание о том, как человеку ориентироваться в социальной жизни. Оно программирует поведение людей даже намного больше, чем наука» [11, с. 3]. Можно сказать, что процесс производства и потребления знания зависит от его установок, ценностных ориентаций, образа мира, жизни, а также субъекта обыденного познания. Проблема субъекта обыденного познания является актуальной в связи с тем, что именно он и его отношение к миру, в том числе к миру науки, определяет будущее самого человека и цивилизации. Анализ данной проблемы обусловлен необходимостью критики постмодернистского положения о «смерти автора» и «смерти субъекта». Кроме того, само понятие «субъект» нуждается в дальнейшей конкретизации. Так, В. А. Лекторский, рассматривая субъект как «носителя деятельности, сознания и познания» [12, с. 155], все же полагает, что такое понимание субъекта (и его внутреннее проявление в качестве Я) «нуждается в новом рассмотрении» [13, с. 60]. Предпосылки новой интерпретации можно найти и в работах самого В. А. Лекторского. Так, в одной из своих работ он отмечал: «...гносеологический субъект – это некое единство предметности и деятельности» [14, с. 114]. В познании (и в процессе формирования сознания) «три вида деятельности выступают как связанные воедино: внешняя практическая деятельность, процесс познания и коммуникация» [15, с. 177]. Кроме того, согласно В. А. Лекторскому, познание теснейшим образом связано с творчеством: они «предполагают друг друга» [15, с. 168]. То есть субъект обыденного познания – это не только носитель повседневного знания

и познания, но и его «творец (единство статичного и динамичного начал)» [16, с. 9], а также интерпретатор и потребитель в рамках возможностей своих социальных связей [17, с. 33]. Творческое начало составляет сущность субъекта как обыденного, так и научного познания. Действительно, в основании познания лежит активная, конструктивная и конструирующая деятельность субъекта. Субъекту присуща активность в создании, прочтении, осмыслении и применении собственного опыта, т. е. в производстве и потреблении знания [18, с. 11]. Как говорил А. Н. Уайтхед, «здесь активность – другое имя для самовоспроизведения» [18, с. 11]. Субъект обыденного познания изучает внешний мир «в себе» и «через себя», тем самым опосредованно исследуя и созидая себя, свои качества, способности и возможности, в том числе возможности действия и познания. Являясь потребителем знания, субъект обыденного познания осваивает, усваивает и интерпретирует не только обыденное (в том числе традиционное и массмедийное), но и научно-популярное знание, формируя определенное отношение к науке, природе, обществу и самому себе. Отсюда возникает проблема объективной оценки достижений науки и культуры, ответственного и адекватного отношения к применению знания, а также борьбы с различного рода фальсификациями и заблуждениями. Более того, субъект обыденного и научного познания выступает как конструктор, проектировщик и программист не только познавательной деятельности, но и своей жизни, а также будущего человечества [1, с. 34].

В. А. Лекторский выделяет индивидуального и коллективного (группового) субъекта [15, с. 280–281]. Можно сказать, что субъект обыденного познания – это «система, имеющая трехуровневую структуру» [16, с. 9]. Все уровни определенным образом коммуницируют между собой. Индивид, социальная группа, общество – это основные компоненты структуры субъекта обыденного познания. Им соответствуют уровни, находящиеся в отношении диалектического взаимодействия единичного, особенного и общего, а также формы самопрезентации (самоописания) субъекта обыденного познания: на уровне конкретного индивида формами самоописания являются дневники, письма, исповеди, автобиографии, интервью, мемуары, афоризмы, произведения искусства, а также социальные сети в интернете; на уровне социальной группы – архивные документы, протоколы, уставы, программы, своды правил, средства массовой информации; на уровне общества – устное народное творчество (фольклор), летописи, формы общественного сознания (мораль, религия, искусство, философия и др.). Обыденное познание начинается на уровне человека как представителя конкретной социальной группы и общества той или иной исторической эпохи. На характер, позицию, стереотипы видения мира субъекта обыденного познания влияет не только тип культуры (традиционный или техногенный), но и особенности субкультуры (национальные, профессиональные, классовые и т. д.). Поскольку культура любого общества включает в себя субкультуры различных социальных групп, то и субъект обыденного познания имеет свою субкультурную специфику, свои цели и ценности, которые зародились и сформировались до «вызревания» общекультурных и в этом смысле являются первичными. Субкультурные цели и ценности выступают как надбиологические программы поведения, общения и деятельности (в том числе познавательной). Данные спецификации составляют онтоаксиологический арсенал и мотивационный двигатель познания. Вполне очевидно, что, например, обыденное познание городского жителя отличается от восприятия жизни деревенским жителем. Таким образом, при рассмотрении субъекта обыденного познания необходимо принимать во внимание субкультурные особенности его социальной (этнической, религиозной и т. д.) группы. Каждая субкультура имеет специфические черты и познавательные механизмы, обладающие своим социально-генетическим кодом и надбиологической программой, что важно учитывать в практике диалога культур. Например, в одной культуре (славянской) протянутая рука рассматривается как знак дружеского расположения и приветствия, в другой (японской) – может расцениваться как проявление агрессии. Важен мониторинг изменений в мировоззренческо-практических ориентациях субъекта деятельности, в том числе познавательной. С точки зрения А. И. Лойко, они являются важным индикатором смены программ деятельности, установок культуры [19, с. 22–23].

Согласно В. А. Лекторскому, «индивидуальное “Я” имеет различные неосознаваемые уровни, которые можно интерпретировать даже как разные “Я”» [13, с. 60]. По сути, ученый поставил проблему, которую еще предстоит решить, поскольку теоретическое исследование должно сделать неосознанное осознанным, неопределенное – определенным, неявное – явным.

Познание структур повседневности сопровождается первоначальным отождествлением себя с другими (Я как другие, как все, как «не-Я»), а затем познанием себя в них как некоей «от-личности» (Я как тело, имя, единица, единственность), личности (Я как лицо, автор и «проект самого себя») и индивидуальной идентичности (Я как Я). При этом Я во всех своих ипостасях – «продукт и одновременно условие социально-культурного конструирования» [20, с. 35]. Сегодня вопрос индивидуального Я как образа человека является особенно актуальным в связи с проблемой постчеловека и концепциями трансгуманизма. Особенно опасными являются проекты создания человека по образу и подобию машины.

На наш взгляд, можно назвать следующие ипостаси индивидуального Я:

- 1) Я как Я (самоидентичность);
 - 2) Я как тело;
 - 3) Я как имя (знак);
 - 4) Я как индивид;
 - 5) Я как индивидуальность;
 - 6) Я как актер, агент действия и познания;
 - 7) Я как «проект самого себя», «автор» и «образ человека», как *Другой* во мне («собеседник внутри меня») [12, с. 195];
 - 8) Я как лицо, персона, личность;
 - 9) Я как «не-Я» – в случае отсутствия или утраты самоидентичности (например, в процессе социальной мимикрии Я – конформист, массовый человек и т. д.).
- Соответственно, можно выделить уровни неосознанного и осознанного, телесного (физического, природного) и духовно-душевного (психического), индивидуального и социального, самозамкнутого (аутичного) и коммуникативного, активного и пассивного Я.

Субъект обыденного познания осваивает и понимает мир сквозь призму своих когнитивных возможностей – как данных от природы (биологические программы), так и заложенных воспитанием, а также социокультурным (субкультурным) окружением («надбиологические программы деятельности, поведения и общения», в терминологии В. С. Стёпина). Это позволяет ему формировать свою картину мира, которая выступает в качестве способа субъектного конструирования в обыденном и научном познании. С помощью обыденной картины мира, или «мировоззрения эпохи», конструируются идеалы и нормы обыденного познания. Она, «выражая общее представление о человеке и мире, вводит определенную шкалу ценностей, принятую в данном типе культуры, и поэтому определяет не только осмысление, но и эмоциональное переживание мира человеком» [2, с. 44].

Внешние реальные вещи обладают определенной когнитивной активностью, «вкладываются в качестве компонент в наш индивидуальный опыт» [18, с. 16–17]. Кроме того, сам субъект конструирует свой внешний опыт в процессе освоения и преобразования мира. Одновременно происходят его самоконструирование, раскрытие и реализация в творчестве его внутренних способностей и талантов, конкретизируются жизненные цели и планы, проходят проверку временем и делом чувства, принципы, идеалы и убеждения, закаляются воля и характер, шлифуются ум, формируется ответственное отношение к делу, в том числе к познанию. В этом смысле познание есть синтез различных активностей, конструирования и программирования. Внутренний опыт субъекта надстраивается над внешним и представляет собой «психологическую транскрипцию» [21, с. 15] его поступков. Однако «нельзя провести точной грани между физической и ментальной конструкциями опыта» [18, с. 18–19], так как они постоянно взаимодействуют. Обыденное познание воспроизводит, передает, реконструирует и синтезирует внутренний и внешний опыт взаимодействия субъекта с окружающим миром, его поступки, переживания, страдания, ошибки, потери и находки, поиск жизненной правды и себя самого, т. е. основано на живом опыте, питает кругозор человека, его мировоззрение и творчество.

Вектор деятельности субъекта обыденного познания определяется его интересами, а также наличием у него системы структурированных и структурирующих предрасположений, или габитуса. Габитус действует как «система когнитивных и мотивационных структур» [22, с. 18], которые помогают субъекту вписаться в реальность с ее нравственными нормами, запретами, иерархией ценностей и стереотипами мышления. С габитусом и трудовой деятельностью связан механизм адаптации познающего субъекта в мире.

Можно сказать, что субъект обыденного познания – своего рода функция от социума, практики, системы габитуса и внутреннего Я. Все то, что мы видим, есть совокупный конструкт нашей деятельности, мышления, восприятия, коммуникации, а также эмоционально-волевого импульса. «Человеческий разум не сухой свет, его окропляет воля и страсти, а это порождает <...> желательное каждому» [23, с. 22]. Порой «желательное каждому» знание является заблуждением. Заблуждения – это «призраки познания» (по Ф. Бэкону) и способы субъектного конструирования ложной картины мира, обладающие известной косностью и консерватизмом. Они могут переходить из поколения в поколение, быть общими для субъектов обыденного познания разных исторических эпох. Например, недавние социологические опросы показали, что заблуждения относительно устройства Солнечной системы свойственны многим людям и сегодня. Таким образом, обыденное познание, рассматриваемое в историческом срезе, имеет как отличительные, так и общие черты (заблуждения). Этот вопрос может стать предметом отдельного рассмотрения и исследования.

Одной из основных целей обыденного познания является гармонизация отношений, коммуникации Я и Мы, человека и мира. «Познание вообще, а обыденное познание в особенности, носит деятельностно-коммуникативный характер» [1, с. 39]. Субъект обыденного познания выступает одновременно в роли субъекта коммуникаций, субъекта определенной надбиологической программы общения и познавательной деятельности. Взаимодействие определенного субъекта с объектом и другими субъектами и даже с самим собой, своим внутренним Я, представляет собой своеобразную коммуникацию. В этом смысле знание, как результат общения (коммуникации), есть сообщение. Сообщение – это способ фиксации обыденного знания, а общение – это способ его трансляции. На основе сообщения возникают «отклики», толки, слухи и даже сплетни. Это явление можно назвать эхо-эффектом. Не все сообщения равным образом конструктивны, для творчества особенно продуктивны сообщения, содержащие живую мысль. Любая живая мысль живет в мире «откликов» и «перекличек», конструктивна по своей природе, является своего рода катализатором новых идей. В своем развитии она проходит стадии зарождения («эмбрион мысли»), вынашивания, созревания и рождения. Общение, беседа, разговор и диалог являются коммуникативными способами конструирования нового знания в обыденном и научном познании. Так, в процессе разговора как живого общения («Мы-отношения») происходит продуктивный обмен мыслями – диалог, порождающий живое знание и живую мысль, «отклики» и «переклички». Последние представляют собой резонансные реакции на живую мысль и способы конструирования нового знания в процессе особых творческих взаимодействий субъектов обыденного и научного познания. В этом смысле формальное и неформальное общение на конференциях – это не только способ социализации ученых (по Л. А. Микешиной), но и продуктивный способ конструирования нового знания и понимания мира, они могут быть катализаторами творческого процесса.

Субъект обыденного познания вступает в коммуникацию с познаваемыми предметами и людьми. В ходе этого процесса возникает явление, которое можно назвать эффектом Пигмалиона. Человек конструирует мир образов, представлений и значений, а созданный им мир, в свою очередь, реконструирует создателя. Творчество превращается в сотворчество. При этом талант, мастерство, профессиональное искусство выступают способами субъектного конструирования нового мира и нового знания. Познание – это диалог познающего и познаваемого, каждый из которых играет роль самостоятельного партнера (В. А. Лекторский). Активное взаимодействие познающего и познаваемого лежит в основе формирования образа жизни и мышления, образа самого человека и мира.

Таким образом, в процессе познания мы создаем, конструируем свои представления, а представления, в свою очередь, реконструируют нас, наше мировосприятие и миропонимание. Порой мы становимся заложниками своих представлений. Об этом хорошо написал М. де Монтень в работе «Опыты» в главе «О том, что наше восприятие блага и зла в значительной мере зависит от представления, которое мы имеем о них». Представления могут быть ошибочными, вследствие чего мы страдаем. М. Полани назвал это явление личностным коэффициентом знания. «Познание без личностного коэффициента, без субъекта – все равно что “Гамлет” без принца Датского, без главного действующего лица» [24, с. 57].

Э. Мунье отмечает, что «поскольку человек вовлечен в условия своего существования, то и вовлеченность познающего субъекта является не препятствием, а необходимым инструментом <...> познания» [25, с. 93]. Итак, вовлеченность (Э. Мунье), увлеченность и участность (М. М. Бахтин) познающего субъекта являются инструментами познания. «Вживание» и «вчувствование» субъекта в постигаемое – это способы обыденного познания. Субъект познания выступает активным и заинтересованным участником познавательного процесса, вносит свои акценты, свою «краску» (значение, смысл) в создаваемую им картину мира. При этом акцентирование, умение выделить главное, масштаб, «близорукость» или «дальнозоркость» видения проблем выступают в качестве способов субъектного конструирования жизненной истины, ошибок и заблуждений в обыденном и научном познании.

Особенности возрастного менталитета субъекта обыденного познания проявляются в характере извлечения информации и способе ее прочтения. И. В. фон Гёте говорил, что ребенку присущ реализм, юноше – идеализм, зрелому человеку – скептицизм, а старику – мистицизм [26, с. 369]. Все эти виды отношения к жизни можно рассматривать как способы субъектного конструирования. Субъектное конструирование в обыденном познании проявляется и в том, что познающий субъект извлекает из реальности именно то, что соотносено с его субкультурой, действиями, потребностями тела и души, целями и идеалами. Например, «поэт концентрируется на деревьях для того, чтобы извлечь слова» [18, с. 12]. Все формы активности субъекта, его деятельность, поведение, общение составляют основные эпистемологические сюжеты обыденного познания (согласно В. А. Лекторскому).

Таким образом, субъект обыденного познания представляет собой единство статичного и динамичного начал. На уровне индивида начинается процесс производства, интерпретации и потребления знания, реализуется определенная надбиологическая программа поведения, общения и деятельности, апробация знания. Обыденное познание – это отражение экзистенциальной ситуации человека, связанное с постижением смысла жизни и страдания, определением жизненных задач, составлением собственной программы познавательной деятельности, выявлением путей и механизмов достижения целей, идеалов и норм жизни, деятельности и познания. Рассмотрение типовых особенностей субъекта обыденного познания и уровней индивидуального Я позволяет эксплицировать не только динамику такого познания, но и процесс социокультурного программирования в структурах повседневности, а также способы субъектного конструирования в обыденном познании.

Пути формирования обыденного познания

Обыденное познание включено в процесс поведения, деятельности и общения индивида. Как известно, семейное воспитание, школьное и трудовое обучение – это основные пути формирования обыденного познания, а также основные механизмы социализации. Условно можно выделить семейные, школьные и трудовые надбиологические программы деятельности, поведения и общения. При этом социализация выступает как процесс создания и внедрения в сознание индивида необходимого «пакета» надбиологических программ деятельности, поведения и общения. Эти программы заложены в таких мировоззренческих универсалиях, как добро, любовь, вера, справедливость, свобода и т. д., позволяющих еще в детском возрасте усвоить наиболее простые правила поведения. Иными словами, знания, умения и навыки, нормы морали и запреты, как формы

надбиологического программирования поведения, общения и деятельности, традиционно транслируются через механизмы обыденного познания, прежде всего в процессе семейного воспитания. Недаром И. А. Ильин назвал семью школой духовности, первичным лоном культуры и первоосновой родины [27].

В семье основными способами формирования и усвоения соответствующих программ деятельности, поведения и общения являются игра, личный пример, совместный труд, система правил и запретов, поощрений и наказаний, а также семейные традиции [28, с. 31]. Все это предполагает взаимодействие деятельности и коммуникации, включая вербальное, в процессе обыденного познания. Именно посредством данных механизмов семейные образцы поведения, общения и деятельности усваиваются субъектом обыденного познания. Например, программы поведения ребенка связаны с почитанием родителей, копированием их моделей общения и деятельности. В процессе многократного повторения такие алгоритмы (программы) заучиваются, т. е. познаются и структурируются в системе знания в соответствии с их значимостью и возможностью использования. Через систему поощрений и наказаний такая совокупность знаний закрепляется, усваивается и становится привычным повседневным набором регуляторов деятельности.

При этом у каждого человека своя школа жизни. В детском возрасте процесс обыденного познания не предполагает наличия рефлексии, однако обучение ребенка творческим видам деятельности, поощрение любознательности, творческой мотивации и самостоятельности, помощь в поиске ответов позволяют уже в раннем возрасте формировать основы будущей творческой личности. И в этом случае личный пример или образец деятельности любого творческого человека (помимо отца, матери, родных и близких, воспитателей, учителей, тренеров) может стать эффективным катализатором формирования навыков конструктивной познавательной деятельности, основой самопрограммирования.

В процессе обыденного познания в семье у ребенка формируются мировоззренческие универсалии и базовые ценностные ориентации, а также такие человеческие качества, как доброта, почитание старших, дисциплинированность, ответственность и патриотизм. Жизнь человека начинается с быта, решения житейских проблем, при этом у всякого дела есть своя технология (программа) исполнения, рецепты и секреты мастерства.

Механизмы коммуникации и деятельности лежат в основе познания принципа действия бытовой техники, ее наиболее эффективного использования, разработки своих ноу-хау. В этом смысле велика роль смекалки и сноровки как способов и способностей решения житейских проблем и своеобразных методов обыденной познавательной деятельности. Смекалка выступает особым способом понимания ситуации, позволяющим наиболее эффективно решать проблемы, а сноровка – способностью и умением результативно выполнять какие-либо действия, в том числе познавательные. В процессе овладения бытовой техникой расширяется не только круг технических знаний, но и общий кругозор субъекта обыденного познания, формируются ценностные суждения (опасно/безопасно, полезно/бесполезно, ответственно/безответственно) и ценностные ориентиры.

Кроме того, обыденное познание формируют также собственный эмоциональный и рассудочный опыт (то, что А. С. Пушкин назвал «памятью сердца» и «рассудка памятью печальной»), коммуникативный опыт и «книжное познание» [28, с. 31]. Эмоциональный опыт – это опыт переживаний, любви и разочарований, включающий в себя знание-страдание и знание-сострадание. Рассудочный опыт включает в себя выводное или индуктивное знание, полученное в результате анализа собственных проб и ошибок. Коммуникативный опыт – это определенная надбиологическая программа дружеского (соседского и иного) общения, вырабатывающая у человека такие качества, как чувство локтя, взаимопомощь, взаимодействие и т. д. Чтение книг – один из методов как обыденного, так и научного познания. «Книжное познание» не только расширяет кругозор, обогащает знаниями, но и углубляет понимание жизни, социальных процессов, психологии людей, доставляет удовольствие, или, как говорил Р. Барт, «наслаждение текстом».

Всякое образование базируется на образцах – знания, метода, деятельности, поведения и человека. В процессе школьного обучения происходит своего рода

перепрограммирование. Школьные образовательные технологии (надбиологические программы деятельности, поведения и общения) артикулируют и развивают четкую систему приоритетов «знания – польза», «свобода – необходимость», используя арсенал школьной методики, наставнического мастерства и дифференцированную систему оценки знаний. Таким образом, школа не только конкретизирует и корректирует сформированные в семье идеалы и нормы поведения, деятельности и общения (например, дружбы), но и формирует новые ценностные и когнитивные установки – на ответственное познание и применение истины, необходимость терпения, послушания и дисциплины, самостоятельного методического (системного) мышления, а также воли и активной заинтересованности в познании. Так, самостоятельное методическое мышление предполагает знание и понимание форм и путей поиска знания, его источников, а также способов и механизмов аргументации.

Кружки, секции, факультативы по интересам – это не только дополнительные пути углубленного познания, позволяющие активизировать креативные способности и умения школьников, но и способы выявления и развития талантов, укрепления их воли к знанию и способности к самоорганизации и планированию своего времени. Так, спорт и спортивные технологии, как определенные надбиологические программы, способствуют формированию воли и характера, программируют стремление к победе, успеху, результату, а такие дисциплины, как язык, литература, история и география, развивают патриотизм, любовь к национальной культуре и традициям. По образному выражению К. Лоренца, традиция осуществляет «в развитии культуры ту же функцию, какую геном выполняет в изменении видов. Сохранение не просто так же важно, но гораздо важнее нового приобретения» [29, с. 37].

У каждой дисциплины своя программа. Однако необходима общая тематизация всех дисциплин в соответствии с базовыми морально-этическими принципами и запретами, например с установкой «не навреди». Обучение должно включать в себя социокультурное программирование и навыки самопрограммирования. Систему установок, мотивы и мечты можно рассматривать как формы субъективного самопрограммирования, в том числе как составление собственной «дорожной карты» познавательной деятельности: что читать, какие языки и методики изучать, как познать себя, постичь смысл жизни.

Трудовое обучение в семье, школе и на производстве представляет собой формирование у субъекта обыденного познания системы надбиологических приемов и методов выполнения жизненно важных и производственно значимых действий, знаний-умений. Основными механизмами обыденного познания в данной сфере является прежде всего само участие в деятельности, творчестве (участное, деятельностное и творческое познание), демонстрация, повторение приемов и закрепление подобных трудовых уроков. Однако здесь, как и везде, субъект обыденного познания получает «уроки жизни» – уроки ответственности, кооперации, коммуникации и самоорганизации, а также такта и вкуса.

Дополнительным каналом и инструментом обыденного познания является интернет и другие СМИ. Согласно К. Лоренцу, основным механизмом в данном случае выступает индоктринирование. Рекламные, а также геополитические электронные технологии могут программировать субъекта обыденного познания на заведомо вредные действия, провоцируя когнитивно-этический релятивизм и нигилизм, девиантные формы знания и деятельности. Массовый человек, по утверждению Х. Ортега-и-Гассета, испытывает принципиальную неблагодарность к достижениям цивилизации и культуры. Ценность знания подменяется мнением и ложным авторитетом экстрасенсов, колдунов и ведьм, тиражируемым в СМИ, стирается грань между истиной и ложью.

Совершенно особый путь формирования обыденного познания связан с опытом общения со специалистами, экспертами (врачами, инженерами, мастерами по ремонту). Подобный опыт заставляет понимать ценность и значение специализированного, профильного знания, уважать экспертов, формирует адекватный образ науки и современных технологий. Активно используемая в обиходе современная техника (мобильные телефоны, компьютеры, плазменные телевизоры)

основана на последних достижениях науки. Субъект обыденного познания владеет принципом действия, использования данной техники, но не знает принципа ее работы, связанного с открытиями в квантовой и релятивистской физике. Это приводит к недооценке роли фундаментальной науки [30, с. 60–61]. Это связано с такой распространенной формой обыденного сознания, как клиповое мышление: «В нем легко сопрягаются <...> логически несовместимые утверждения. Их перенос в науку и философию создает дополнительные трудности для усвоения идеалов и норм, обеспечивающих рост знания в этих областях» [31, с. 64].

Вопрос о критериях достоверности обыденного познания на современном этапе техногенного (информационного) общества является актуальным не только в связи с экспансией ложного, псевдонаучного, неверно истолкованного или непонятого научного знания, но и в связи с отсутствием четких когнитивных, нравственных и правовых регулятивов данной деятельности у самого субъекта обыденного познания, его когнитивно-нравственным релятивизмом. Долгое время критерием истинности обыденного познания была наличная практика. Однако сегодня она характеризуется существенным расширением, можно даже сказать, она претерпела качественную трансформацию. Источником обыденного познания выступает уже не только реальный мир, но и виртуальная реальность. Скоростной интернет становится мобильным источником доступных и разнородных знаний не только для обывателей и узких специалистов, но и для специалистов широкого профиля, ученых и экспертов, представляет собой удобный способ осуществления оперативной коммуникации. Проблема заключается в том, что в поисках интерпретации полученного знания субъект обыденного познания опирается на мифологизированные представления и предрассудки, в том числе околонучные. Но «нет лжи худшей, чем истина ложно истолковываемая» [32, с. 286]. Отсутствие должной пропаганды науки и профессиональной культуры оборачивается суеверием и невежеством, происходит подмена, дезинтеграция социокультурных ценностей. Подобное программирование обыденного познания ведет к опасной манипуляции индивидом. Данная проблема выступает объектом дальнейшего исследования.

Резюмируя, можно сказать, что обыденное познание основано на личном опыте, опыте коммуникаций и традиции, включает в себя житейскую мудрость, первоначальные неспециализированные формы образно-художественного, религиозного, морального, политического, правового и научного знания, является одним из ключевых факторов социализации и воспроизводства общественной жизни. Исследование структуры и путей формирования обыденного познания позволяет эксплицировать алгоритмы социальных процессов и разработать способы оптимального управления ими.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (REFERENCES)

1. Дождикова Р. Н. К вопросу об аксиологических основаниях обыденного познания // *Вопр. философии*. 2013. № 2. С. 33–41 [Dozhdikova R. N. K voprosu ob aksiologicheskikh osnovaniyakh obydennogo poznaniya. *Vopr. filos.* 2013. No. 2. P. 33–41 (in Russ.)].
2. Стёпин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992.
3. Касагин И. Т., Щавелёв С. П. Анализ повседневности. М., 2004.
4. Стёпин В. С. Становление научной теории. Минск, 1976.
5. Стёпин В. С. Теоретическое знание. М., 2003.
6. Стёпин В. С. Культура // *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М., 2001. Т. 2: Е – М.
7. Стёпин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011.
8. Стёпин В. С. Специфика научного познания. Минск, 1983.
9. Дождзікава Р. Н. Структура і дынаміка штодзённага пазнання // *Вестні БДПУ. Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*. 2010. № 4. С. 63–67 [Dozhdzikava R. N. Struktura i dynamika shtodzennaga paznannja. *Vesci BDPU. Ser. 2. Gistoryja. Filasofija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Kul'turalogija*. 2010. No. 4. P. 63–67 (in Belarus.)].
10. Стёпин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996.
11. Стёпин В. С. О методологических подходах к анализу социального познания // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия*. 2014. № 3. С. 3–10 [Stepin V. S. O metodologicheskikh podkhodakh k analizu sotsial'nogo poznaniya. *Vestn. Mosk. univ. Ser. 7. Filos.* 2014. No. 3. P. 3–10 (in Russ.)].

12. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
13. Лекторский В. А. Эпистемология в контексте теоретического мировоззрения: 20 лет спустя // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. 2, № 2. С. 56–63 [Lektorskii V. A. Epistemologiya v kontekste teoreticheskogo mirovozzreniya: 20 let spustya. *Epistemol. i filos. nauki*. 2004. Vol. 2, No. 2. P. 56–63 (in Russ.)].
14. Лекторский В. А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965.
15. Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М., 1980.
16. Дождикова Р. Н. Субъект образа жизни: сущность, структура, динамика : автореф. дисс. ... канд. философ. наук : 09.00.01. Минск, 1988.
17. Дождикова Р. Н. Субъект обыденного познания и проблема индивидуального «Я» // Философия и социальные науки. 2011. № 1. С. 33–37 [Dozhdikova R. N. Sub'ekt obyden'nogo poznaniya i problema individual'nogo «Ya». *Filos. i sotsial'nye nauki*. 2011. No. 1. P. 33–37 (in Russ.)].
18. Уайтхед А. Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск, 1999.
19. Лойко А. И. Модернизация деятельности: философско-аксиологический аспект. Минск, 1997.
20. Лекторский В. А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В. А. Лекторский. М., 2009.
21. Бахтин М. М. К философии поступка // Работы 1920-х годов. Киев, 1994.
22. Бурдьё П. Структуры. Habitus. Практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас / сост., пер. и вступ. ст. А. В. Леденовой. Новосибирск, 1995.
23. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. М., 1972. Т. 2.
24. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1965.
25. Мунье Э. Персонализм. М., 1992.
26. Гёте И. В. Избранные философские произведения. М., 1964.
27. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М., 2006.
28. Дождикова Р. Н. Обыденное познание и его особенности // Веснік БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2010. № 2. С. 30–34 [Dozhdikova R. N. Obydennoe poznanie i ego osobennosti. *Vesnik BDU. Ser. 3, Gistoryja. Filasofija. Psihalogija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava*. 2010. No. 2. P. 30–34 (in Russ.)].
29. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998.
30. Дождикова Р. Н. Эволюция обыденного познания и некоторые проблемы постнеклассического образования // Вопр. философии. 2015. № 3. С. 55–63 [Dozhdikova R. N. Evolyutsiya obyden'nogo poznaniya i nekotorye problemy postneklassi-cheskogo obrazovaniya. *Vopr. filos*. 2015. No. 3. P. 55–63 (in Russ.)].
31. Стёпин В. С. Философские беседы: десять лет спустя // Наука и социальная картина мира : сб. ст. к 80-летию академика В. С. Стёпина / ред. В. И. Аршинов, И. Т. Касавин. М., 2014.
32. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. СПб., 1993.

Статья поступила в редакцию 14.04.2016.
Received by editorial board 14.04.2016.